

Девочка в шлеме

Письмо штурмана 46-го женского Гвардейского авиаполка Вали Ступиной из станицы Ассиновской под Грозным, аккуратно перепечатанное на машинке примерно четверть века назад следопытами клуба «Память», хранится в школе № 1. Как и все ее письма с фронта, оно лаконично.

«Город красивый, культурный. Жители одеваются даже шикарно, всюду шелк, и со вкусом. Там я нашла своих институтских ребят. Встретили и проводили меня очень тепло, даже не хотелось уезжать... Приехала – узнала о большом налете на Грозный. Были такие пожары, что у нас и то было днем темнее. Вот ведь до чего дошли эти варвары, хотя знали, что стоит там бросить спичку – все будет гореть. Это уже, видно, их агония, но теперь чувствуют, что выдыхаются, поэтому и решились на это...»

Говорят, второй раз история повторяется как фарс. Может быть, но не каждая. Повторение войны – всегда трагедия. Строки, написанные целую жизнь назад, в октябре 1942 года, режут без наркоза. Особенно сегодня, когда еще не затянулись чеченские раны – в отличие от бездонных воронок уже далекой Великой Отечественной. Далекой ли?..

Валентина Ступина

Прощаясь с мамой, Валя каждый раз просила ее беречь себя. Полина Андреевна берегла. Но только не себя, а добрую память о дочери, погибшей в августе 1943-го. Как могли берегли память об этой девочке и ставропольчане: в 1965 году Вторая Парковая была переименована в улицу имени Валентины Ступиной. Здесь по сей день сохранился дом, в котором она росла. Найти его просто: Старый город, частный сектор, второй дом от перекрестка с улицей Ушакова.

Семья лесничего

Ступины приехали в Ставрополь из Царевщины – такой же хлебной, как и дореволюционный Ставрополь. Отец, окончив два института – педагогический и лесного хозяйства, – посвятил себя лесу. Однажды в дом на берегу Волги, где они жили, нарочный привез письмо: Сергею Михайловичу предписывалось срочно принять ставропольское лесничество. Вслед за ним перебралась и семья.

Дом, в котором они жили в Ставрополе, стоял на углу Первомайской и Красноармейской. Дом необыкновенный, исключительной планировки: с коридором, кухней, столовой, залом, двумя спальнями, с огромной открытой террасой, выходящей в красивый сад, огороженный основательным

Родители Валентины Ступиной. Фото из семейного архива Н.С. Ступина

забором, подпираемым дубовыми пасынками. И с высоченными потолками. «При переносе на два венца уменьшили. Когда переносили дом, удивлялись: тяжеленные бревна, засмоленные и аж звенят. У кого-то все гнилушки, а эти звенели, – вспоминают старожилы. – И что еще характерно, у них были очень красивые стекла – во всем Ставрополе таких не было. Резные и цветные». Правда, со временем почти все красные стекла местные фотографы выпросили у Полины Андреевны на фонари: взамен вставляли обычные.

Уже в семидесятые мать продала дом, перебравшись в однокомнатную кооперативную квартиру на улице М. Горького. Но дом номер 42 по улице Ступиной и сегодня сохранил следы былого величия и вкуса. Если не считать ветхого крыльца и разваленной оградки, которые новым хозяевам обещала подлатать администрация района, дом все тот же. Только без Ступиных...

Детей было трое. Старший, Анатолий, родился в 1910-м. Валентина – с 1920-го, Николай – с 1922-го. По ставропольским меркам, семья жила в достатке, но экономно. Коленька, например, донашивал за сестрой. «Ей новые ботинки, а

Дом Ступиных на улице В. Ступиной

мне старые кремом помажут, в коробку положат, а потом еще говорят: на тебе как на огне горит», – смеется младший брат.

В его доме осталось кое-что из семейной, еще дореволюционной родительской мебели: столик, тумбочка, комод, сундук, буфет. До сих пор исправно бьют настенные часы, которые родители купили, когда поженились. «Хорошо жили, – соглашается младший Ступин. – Но все пошло прахом после смерти отца. Помню, трюмо было большое-большое, и вот мать его на полпуда ржаной муки поменяла...»

Сергей Михайлович тяжело болел и умер в голодном 1933-м, оставив на ставропольской земле вечную память – леса. Вдоль трассы из Портпоселка в Соцгород по сей день сдерживают натиск ветра посаженные им дубы. «Это ведь с головой надо посадить: сосна высокая, ее с корнем выхватит, а дуб берет на себя удар», – объясняет Николай Сергеевич. О смерти отца он узнал, возвращаясь из очереди за хлебом. Валя в этот день сдавала экзамены за 6-й класс.

Орленок

После смерти отца Анатолий забрал тринадцатилетнюю сестренку к себе в Самару. Год она жила в семье брата. «Валя была крепкого телосложения, быстрая, находчивая и изобретательная. Любила петь. Ее необыкновенно душевный голос часто слышался в нашем доме, – вспоминал впоследствии Анатолий Сергеевич. – Пианино невероятно трудно было купить, а я по случаю купил фисгармонию». Этот инструмент и освоили дети – Валя и его младшая дочь, в то время второклассница Кира. Однажды в середине рабочего дня он застал их поющими в полный голос романс «Я вас любил». Опасения брата, что из-за музыки девочки будут плохо учиться, оказались напрасными: он убедился, что только благодаря заботе сестры его дочь стала пятерочницей и с отличием окончила и школу и медицинский институт. «Добрая память о Вале жива и в этом...»

Именно здесь, в Самаре, она впервые прикоснулась к «воздуху». «Я этот момент прозевал, – вспоминает брат. – Я был далек от мысли, что моя сестра всерьез увлечется воздухоплаванием. Каковы же были моя боль, жалость и огорчение, когда я узнал, что денежки, которые ей давали на завтраки, она не тратила, а копила на шлем, какие носят летчики...

А через несколько дней я узнал, что Валя через весь город ходит пешком на аэродром, занимается парашютным спортом и «ухаживает» за самолетами. Авиация для Вали была не увлечением, как я думал, а ее призванием, и она была верна этому призванию до конца своей коротенькой, но яркой звездной жизни».

Шлем, «какие носят летчики», купленный братом в самарском военторге, «приехал» и в Ставрополь. Говорят, Валя с ним не расставалась до окончания школы. Ольга Елицина, одноклассница Ступиной, рассказывала следопытам, как страстно Валя мечтала об авиации: «Начертив на доске крыло самолета, она рассказывала мальчишкам, какие силы поднимают машину вверх. Помню, как, встав на парту, чтобы быть повыше, читала свое любимое стихотворение "Лети, мой друг, орел ширококрылый". Пела песенку Роберта Гранта, особенно любила "Каховку", которую пела, задумчиво глядя в даль голубыми глазами. Нам казалось, что наша Валя есть та самая девушка в шинели, девушка из горящей Каховки. Любимой песней Ступиной был "Марш авиаторов"».

Многие помнят эту девчонку с мальчишеской стрижкой играющей на гитаре, мандолине, занятой в кружках – драматическом и деткоров. В концертах, с которыми «городские» ездили по селам, она была просто незаменима. Надо было собирать урожай, бороться с сусликами, учить грамоте деревенских, вести антирелигиозную пропаганду, распространять заем – везде вспоминается Ступина. Прокладывающая лыжню в Жигулях; прыгающая с высоких трамплинов наравне с пацанами; пересекающая лед Воложки на коньках; вечный участник футбольной и капитан волейбольной команды, в которой 12 парней (есть фото, сделанное в 1937 году в сызранском санатории рабоче-крестьянской молодежи); провожающая редкие самолеты посвистом молодецким – такой она осталась в памяти ставропольчан. «Авторитет ее был непререкаем, ее любили, узнавали и уважали все, а мальчишки даже боялись – в ее присутствии распоясаться никто не смел, – рассказывала Нина Воронина. – Я называла ее Орленком, ей очень это нравилось. Любила читать Горького, Джека Лондона, Маяковского, Есенина, Гейне. Она как-то очень активно жила...»

– Валя спокойная была, росла незаметно, – это уже из воспоминаний ныне покойной Полины Андреевны. – Не любила форсить, никогда не пудрилась. Были у нее три юбки суровые полотняные, все в складку, майка с рукавами и безрукавная, вот и весь наряд. Всегда поет, всегда с подругами. Да, Валя действительно любила жизнь...

Ночные ведьмы

В выпуске 1937 года, в который попала Ступина, было 14 человек. Пятеро не вернулись с войны. Она и здесь оказалась единственной девчонкой среди парней...

Она давно определилась, куда идти после школы. Окончив десятилетку с отличием, сразу поступила в Московский авиационный институт. Учеба и летние лагеря почти не оставляли времени на поездки в Ставрополь. Наталья Кравцова, впоследствии однополчанка Вали, Герой Советского Союза, вспоминает ее в те годы веселой, озорной девушкой, увлеченной русскими и цыганскими романсами. «Ваша Валя осталась в моей памяти как удивительно славный человек и цельная натура, – писала она матери. – Никакой фальши в ней не было, всегда искренность, честность, порядочность во всем, в большом и малом. Она поистине человек с большой буквы. Я вспоминаю ее с уважением и любовью... Она была человеком скромным, не любила шумихи, очень ярко краснела, смущалась, когда ее хвалили, и старалась превратить все в шутку. Никогда ничего не делала напоказ, и вообще была человеком большой внутренней культуры».

Они познакомились летом 1941-го: студенты МАИ два месяца копали оборонительные полосы и противотанковые рвы под Брянском и Орлом. Обе, как и все тогда, думали, что шапками закидают проклятого фашиста, что все это скоро кончится...

Второй эпизод – встреча с Валею в институтском комитете комсомола в начале октября: обе получали рекомендации в женский авиационный полк, который на базе У-2 формировала легендарная Марина Раскова, получившая в 1938-м звание Героя Советского Союза за знаменитый перелет на самолете «Родина» из Москвы во Владивосток (на заявлении Ступиной Раскова собственноручно написала: «Просьбу удовлетворить»). «Мама, я добровольно вступила

Валентина Ступина (в верхнем ряду слева) с однокурсницами.
Московский авиационный институт, январь 1941 года.
Из архива Н.С. Ступина. Публикуется впервые

в женский авиационный батальон», – сообщила Валя матери.

Уму непостижимо, но девчата действительно рвались в этот полк. «Летать на У-2, этой замечательной машине, непосредственно участвовать в разгроме врага. Конечно, я буду проситься именно в этот полк... – писала в своих мемуарах "Тюльпаны с космодрома" И. Стражева. – Тут же позвонила двум своим летным подругам, Вале Ступиной и Инне Комаровой. "А что будет с твоей десятимесячной дочкой?" – спросила Валя... Сижу и плачу...»

Потом вместе учились в авиашколе в Энгельсе. «Ты все обо мне беспокоишься, – из письма Вали маме. – Посмотри на карточку: как я отъелась на красноармейских харчах... После учебы – на фронт. И после войны, если будет все в порядке, пойдем в академию...»

Брат Николай Сергеевич, в то время курсант Вольской авиашколы, так и не увидел сестру. Хотя было, вроде, рукой подать: тренировочные полеты будущих ночных бомбардировщиков, прозванных гитлеровцами «ночными ведьмами», нередко проходили над Вольском. Не судьба...

Женский полк, в который попала Валентина Ступина, начал воевать в Донбассе и летел до Германии. На его счету 24 тысячи боевых вылетов, 3 тысячи тонн авиабомб, сброшенных на головы врага; 21 благодарность в приказах Верховного главнокомандующего; 23 Героя Советского Союза, свыше двухсот человек награждены орденами и медалями. Сформированный как полк ночных легких бомбардировщиков, в разгар войны полк стал Гвардейским Краснознаменным Таманским ордена Суворова 3-й степени авиационным, а после взятия Берлина принял участие в Параде Победы. В полном составе, если не считать 33 погибших девочек, в числе которых – младший лейтенант Валя Ступина...

Короткая звездная жизнь

«Огненные брызги зенитных взрывов, каждая искра которых несла смерть. Разноцветные треки трассирующих пуль. Тугой, как резина, ветер, то почти ощутимой преградой встающий на пути к цели, то словно невидимый добрый дух быстрее несущий твой самолет к родному аэродрому, где его обязательно встретит мудрая и спокойная Евдокия Давыдов-

на, товарищ Бершанская, наш командир полка», – так в своей книге «Боевые подруги мои» описывала фронтовые ночи однополчанка Ступиной, Герой Советского Союза Мария Чечнева.

Бершанская, навестившая Полину Андреевну после войны, так характеризовала Валю: «С мая 1942-го по август 1943-го воевала с нами эта волжанка. Очень умная, целеустремленная девушка. Прекрасный человек, знающий штурман. Совершила около 15 боевых вылетов. Среди первых десяти награжденных медалью "За отвагу" была Валя. За большие организаторские способности она была назначена начальником связи полка. Это очень трудная задача, ведь начальник связи обеспечивал передачу приказов командира дивизии, обеспечивал взаимодействие самолетов с пехотой, с артиллерией. Валя не сразу согласилась на эту работу, долго плакала, очень хотела летать, но приказ есть приказ. Отлично справлялась. Тяжело больная, она не хотела уезжать в госпиталь, боясь отстать от своего полка. Очень жаль Валю. Ушел из жизни прекрасный человек, не дожив, не допев, не долюбив...»

«По-моему, было бы хорошо, если бы я осталась в армии. В армии я буду летать – то, к чему я стремлюсь», – писала Валя 30 мая 1943 года в ожидании комиссии.

Умерла она на рассвете 22 августа 1943-го. Похоронена в Ессентуках, где лечилась в госпитале. По воспоминаниям брата, в Моршанске, где тогда служил, он получил письмо от подруги Вали о том, что в одном из полетов сестру ранило. По другой версии, она заболела – во всяком случае, о ранении из однополчанок упоминала только одна. «Наша Валюша, певунья, любимица, последние дни она совсем была плоха. Ничего похожего на прежнюю веселую, задиристую Вальку, курносую, ясноглазую. Ей долго пришлось мучиться после ранения», – писала Наталья Кравцова в своих «Повестях» (М.: Советская Россия, 1990).

Впрочем, умерла Валя от ранения или от болезни, сейчас уже не важно. В любом случае, причина смерти – война. На сто процентов прав начальник архива госпиталя, написавший в письме в клуб «Память»: «Правильно будет говорить,

что Валентина Ступина погибла, так как на войне погибали не только от пуль и взрывов, но и от болезней, от изнурительного труда, от холода и других бедствий военного времени...»

Хоронили Валю всем полком, со всеми воинскими почестями. Вызванная телеграммой мать не успела на похороны, но Бершанская встретила ее с поезда и лично отвезла на гражданское кладбище. Домой Полина Андреевна вернулась на военном самолете: подбросили летчики соседнего штурмового полка.

Что могла пожелать комполка на прощание? Нетрудно догадаться. Так уж повелось в нашей стране – желать женщинам мужества.